

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРОЛОГ	
<i>По морям, по волнам, или В погоне за козами</i>	7
ГЛАВА I	
<i>«Кафедра проповедника – не для меня»</i>	18
ГЛАВА II	
<i>«Воскресный джентльмен»</i>	38
ГЛАВА III	
<i>У позорного столба</i>	61
ГЛАВА IV	
<i>Услуга за услугу, или Без лести предан</i>	95
ГЛАВА V	
<i>«Тяжких дум избыток»</i>	117
ГЛАВА VI	
<i>28 лет, 2 месяца, 19 дней</i>	137
ГЛАВА VII	
<i>Урожайные годы</i>	168

ГЛАВА VIII	
<i>Урожайные годы. Продолжение</i>	191

ГЛАВА IX	
<i>Учитель жизни, или Te Deum Laudamus</i>	221

ПРИЛОЖЕНИЕ	249
------------	-----

<i>Указатель имен</i>	272
-----------------------	-----

ПРОЛОГ

*По морям, по волнам,
или В погоне за козами*

Неуживчив — и это еще мало сказано. Скандалит, пьет, чуть что пускает в ход кулаки. Однажды избил до полусмерти своего младшего брата-недоумка: тот внес в дом миску солевой воды, а Селкерк, решив, что вода питьевая, ее выпил. За младшего, Эндрю, вступились отец и старший сын Джон — досталось и им, а заодно и невестке, жене Джона: не подворачивайся под руку. Приходской совет постановил, что Александр Селкерк обязан — или сам, или при посредстве бидла, — явиться в церковь и, стоя лицом к кафедре, покаяться и просить прощения за домашние свары, ссоры с родителями, братьями и сестрами (детей у старшего Селкерка, сапожника, было семеро), за рукоприкладство и брань, и пообещать исправиться «во имя Божие, с чем и будет отпущен».

Селкерк, однако, дожидаться, когда его отпустят, не стал: с юных лет он бредил морем, дальними странствиями, и 27 августа 1695 года, когда — и не в первый раз — призван был попечителями и церковным старостой к порядку, находился Александр уже далеко. Шесть лет, пренебрегая уговорами отца и мольбами матери, бороздит он морские просторы, промышленяет именем его величества короля Вильгельма разбоем, а по возвращении ведет себя еще хуже, развязнее: пьет, буянит пуще прежнего, то и дело лезет в драку, не пропускает ни одной юбки — море его не перевоспитало. Морской волк, что тут скажешь.

Осень и зиму 1701–1702 годов Селкерк провел в своем родном шотландском городке Ларго, графство Файф, однако уже весной 1702 года вырвался на волю: вновь вышел в море. Рассуждал — если умел рассуждать — в точности как Лемюэль Гулливер:

«Надо думать, что сама природа и судьба предназначили меня к деятельной и беспокойной жизни»¹.

Природа и судьба предназначили Александра Селкерка если и не к деятельной, то уж точно к беспокойной, рискованной жизни джентльмена удачи.

В этот раз Селкерк вышел в море под началом славного адмирала Демпьера, знаменитого пирата, грозы испанских, голландских и французских торговых судов. Снарядил Демпьер сразу два корабля: «Святой Георг», где капитаном был он сам, и «Пять портов» под началом Чарльза Пикеринга; помощником Пикеринга

¹ *Свифт Дж.* Путешествия Гулливера / пер. А. Франковского.

нанят был Томас Стредлинг, а боцманом — Селкерк. Вскоре после отплытия покладистый, здравомыслящий Пикеринг внезапно умирает, и на капитанский мостик поднимается Стредлинг, человек, как и Селкерк, властолюбивый, вздорный и скорый на расправу; с Селкерком его отношения не задались с первого дня. Стредлинг не терпел неповиновения, Селкерк же не признавал авторитетов, ни с кем и ни с чем не считался и вел себя, как и на суше, как ему в голову взбредет. О последствиях подобной вольницы он не думал.

10 февраля 1704 года оба корабля пристали к Мас-а-Тьерре, одному из островов архипелага Хуан-Фернандес, расположенного неподалеку от берегов Чили. К острову дикой, буйной природы, капустных пальм, перечных деревьев, гвоздичных перцев, гигантских черепах, диких коз и морских львов, над которыми корсары — ну как не оценить их чувство юмора! — потешались на свой лад.

«Когда львы вставляли на задние плавники и широко, в надежде, что их накормят, раскрывали рты, — бесстрастно записал некий Фанелл, матрос с «Пяти портов»; ему вменялось в обязанность вести дневник путешествия, — мы вставляли им в рот пистолет и стреляли прямо в глотку»¹.

Забава, что и говорить, на зависть.

Дела пиратов меж тем складывались не лучшим образом. За проплывавшим мимо островов голландцем или французом угнаться не удавалось, поживиться

1 Все переводы, кроме специально отмеченных, сделаны автором.

было нечем, все попытки высадиться в Санта-Мари, прибрежном городке в Перу, где пираты рассчитывали разжиться золотом, также успехом не увенчались. В результате Демпьер и Стредлинг повздорили и расстались, и Стредлинг вернулся к Мас-а-Тьерре, где в скором времени у них с Селкерком вспыхнула очередная ссора, и Селкерк сгоряча заявил, что со Стредлингом ему не по пути и он остается на острове.

Стредлинг был не из тех, кто поддается на шантаж; он поймал своего бoцмана на слове, и Селкерка в тот же день со всеми его пожитками посадили в шлюпку и доставили на берег. Увидев, что шлюпка возвращается на корабль без него и «Пять портов» поднимает паруса, Александр одумался: вбежал по пояс в воду, стал махать руками, кричать что было сил, чтобы за ним вернулись, — но Стредлинг был неумолим.

А Селкерк — безутешен. Он проклинал свою опрометчивость и первое время был близок к самоубийству. Раскаялся ли он? Вряд ли — такие, как Селкерк, редко каются; однако, как он потом расскажет, в первые дни своего одиночества он неотступно думал о Боге, молился, вспоминал церковь, где раньше бывал, прямо скажем, нечасто. Вспоминал и проповеди пастора, родной дом в Ларго, мать, которая заклинала сына не ходить в море...

Потом станет известно, что первое время он почти ничего не ел — отчасти от отчаяния, а отчасти из-за отсутствия на острове привычной пищи вроде хлеба, молока или сыра. Рыбы на острове было сколько угодно, но без соли он и рыбу есть не мог. И страдал бессонницей: сон сваливал его лишь под утро. Но вот прошла неделя-другая, и Селкерк, отдадим должное

его мужеству и долготерпению, справился со своим горем, освоился и начал обживатьсья. Построил две хижины: в одной спал, в другой кухарил. Добывал огонь, натирая, на индейский манер, куски очень сухого перечного дерева. Среди вещей отыскал кое-что из белья и платья, а когда оно изнашивалось, смастерил одежду из козьих шкур (говорят, по возвращении в Англию он, напившись, щеголял в ней, разгуливая по родному Ларго). А еще — кремневое ружье, фунт пороха, топор, нож, чайник, Библию — увлекательное оказалось чтение, — вдобавок кое-какие инструменты, книги о навигации, теперь, впрочем, бесполезные, а также глиняную кружку с выбитой на ней непрехотливой, зато жизнеутверждающей надписью:

АЛЕКСАНДР СЕЛКЕРК
НАПОЛНИ СЕЙ БОКАЛ ВИНОМ,
КОРАБЛЬ ТЕПЕРЬ ТВОЙ ОТЧИЙ ДОМ!

Теперь, увы, отчим домом Селкерка был не корабль, а необитаемый остров. Ностальгия — и это при том, что без дела он не сидел, — брала свое. Каждый день Селкерк выходил на берег и глядел вдаль: не покажется ли парус на горизонте? Случалось, парус появлялся, и корабль даже бросал в виду острова якорь, но Селкерк боялся дать о себе знать: а вдруг это судно не под английским, а под испанским флагом? И то сказать, уж лучше жить на необитаемом острове, чем сначала угодить на многие месяцы в трюм испанского галеона, а оттуда — в тюрьму или на виселицу. Однажды он был очень к этому близок: на остров и в самом деле высадились испанцы, заметили Селкерка,

погнались за ним, стреляли в него, но ему удалось скрыться.

По утрам он, безбожник и пьяница, распевал псалмы, молился и читал вслух Священное Писание — это чтобы не разучиться говорить. Питался он черепахами, речными раками, большими, как омары, а еще бурно разросшейся брюквой, водяным крессом и козлятиной, которую жарил и из которой варил наваристый бульон; по сравнению с брюквой и крессом жареная козлятина была истинным деликатесом.

Селкерк — раньше он и сам не знал этого за собой — оказался невероятно быстроног. Когда порох кончился, он начал гоняться за козами и, во что трудно поверить, догонял их! Однажды, правда, так увлекся погоней, что свалился в пропасть и три дня пролежал без чувств... Подсчитал и потом рассказывал, что за четыре с лишним года перестрелял и переловил в общей сложности пятьсот (!) коз. А пятьсот первую, по его же словам, пощадил. Ловил — какова сноровка! — и диких кошек. Нет, кошек он не ел, они были нужны, так сказать, в мирных целях, чтобы помогать отбиваться от крыс, которые по ночам грызли ему ступни. Раскрыл он в себе и прочие способности, о которых раньше не догадывался. Забавы ради учил кошек и коз танцевать, а также вырезал свое имя на деревьях — пусть знают, что здесь жил Александр Селкерк!

Селкерк танцевал с козами, декламировал Священное Писание, проклинал свою злосчастную судьбу — и даже не подозревал, что ему повезло больше, чем его жестокосердным обидчикам. Не повезло ни «Пяти портам», ни «Святому Георгу». Первый потерпел кораблекрушение, и, хотя Стредлинг и несколько матро-

сов спаслись, они попали в руки к испанцам; что с ними случилось, догадаться нетрудно. Судьба второго корабля оказалась немногим лучше: «Святой Георг» был взят на абордаж голландцами, и славный адмирал Демпьер через несколько лет вернулся на родину гол как сокол, и еще благодарил Создателя, что остался жив. Судовладельцы, впрочем, не отчаялись — и спустя какое-то время снарядили еще два корабля, «Герцог» и «Герцогиня», и капитаном этой флотилии вместо Демпьера, который не оправдал надежд и отошел от дел, назначили Вудса Роджерса, умелого и дельного моряка и, как впоследствии выяснилось, не менее способного литератора.

2 февраля¹ 1709 года «Герцог» и «Герцогиня», курсировавшие у бразильских и чилийских берегов, бросили якорь в гавани Мас-а-Тьерры, чтобы пополнить запасы пресной воды, и, выйдя на берег, матросы обнаружили, как записал впоследствии Роджерс,

«...человека с топором, в козлиной шкуре, который выглядел куда более диким, чем те, кому эти шкуры ранее принадлежали».

Поначалу Селкерк был безучастен: не верил, видимо, своему избавлению; спасителей он поразил замкнутостью и полнейшим безразличием к своей судьбе. Но потом вдруг сообразил, что спасен, и так обрадовался,

¹ В разных источниках приводятся разные даты: 3 января, 31 января, 1 февраля и т.д. Ниже в тексте также будут встречаться даты, которые разнятся в источниках, что вполне объяснимо давностью лет жизни героя этой книги.

что лишился дара речи, только плакал и бормотал что-то нечленораздельное; добиться от него ответа, как он перенес одиночество, как справлялся с трудностями, было невозможно. Опытного и рассудительно-го Роджерса, впрочем, это нисколько не удивило: «Моряк как моряк. Прилагал все силы, чтобы остаться в живых».

Поднявшись на борт, Селкерк довольно быстро освоился и потряс даже бывалых моряков рассказами о том, как все эти годы охотился на коз.

«Охотясь на коз, — записал за ним Роджерс, — Губернатор (так Селкерка в шутку прозвали на борту) приобрел такую снаровку, что целыми днями без усталости бежал за ними по лесам и горам. Чтобы проверить, говорит ли бедняга правду, мы отправили на берег несколько наших самых быстроногих матросов, а также бульдога, и они одновременно с островитянином пустились вдогонку за козами, однако вскоре и собака, и люди выбились из сил, от Селкерка безнадежно отстали, он же вернулся на корабль с пойманной козой на спине. Наши люди были посрамлены».

В феврале 1709 года «Герцог» и «Герцогиня» подняли якорь, взяли курс на Британские острова и спустя два с половиной года, в октябре 1711-го, бросили якорь в Плимуте. Эти годы не прошли для доблестных пиратов и их судовладельцев даром; из ста семидесяти тысяч фунтов награбленного добра Селкерку (после спасения он получил место помощника капитана на «Герцог») досталось восемьсот; сумма по тем временам немалая.